

дует еще обратить внимание на ст. 21, которая свидетельствует, что обработка чужой заброшенной земли носит добровольный характер, коль скоро эта статья предусматривает *отказ* нового владельца вернуть освоенную им землю.

Таким образом, мы видим, что „Земледельческий закон“ не содержит бесспорных свидетельств о существовании системы коллективной фискальной ответственности, а нарративные источники позволяют утверждать, что попытки ввести эту систему еще только предпринимались в IX в. Следовательно, ни один из критериев П. Лемерля не дает оснований отождествлять аграрный строй протовизантийского периода и так называемого византийского средневековья.

Что же в действительности произошло в аграрном строе Восточной Римской империи в VI—VII вв., что позволяет нам говорить о коренных сдвигах, об аграрном перевороте?

Прежде всего речь должна идти об исчезновении рабовладельческой системы производства. Это не значит, что рабство как *уклад* не существовало в последующее время: рабов упоминает даже „Земледельческий закон“, а во второй половине IX в. мы можем проследить некоторые тенденции к укреплению рабовладельческого хозяйства⁷³. Однако достаточно сравнить памятники IV в. с „Земледельским законом“, чтобы увидеть, насколько изменилось за это время место рабов в хозяйственной жизни страны. Речь антиохийского куриала Ливания „О рабстве“ начинается следующими, весьма показательными словами: „Эти два слова: раб и свободный — везде на устах: в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и челноках“⁷⁴. Проблема отношения к рабам занимает весьма значительное место в произведениях Иоанна Златоуста⁷⁵, и это свидетельствует, что данный вопрос был в ту пору весьма актуальным.

В отличие от этого „Земледельческий закон“ и современные ему памятники говорят лишь о случайном, спорадическом и ограниченном применении рабского труда; в частности, все пять случаев упоминания рабов в „Земледельском законе“ относятся к скотоводству⁷⁶. Проблема рабства не поднималась, насколько мы знаем, византийскими философами и богословами VIII—IX вв.

Судьба рабовладения тесно переплетается с судьбой восточноримских полисов, ибо центрами рабовладения на Востоке были именно города (известно, что во II в. н. э. крупным центром рабовладения был малоазиатский город Пергам⁷⁷, большое число рабов было в Антиохии IV в.⁷⁸). В VII в. большая часть восточноримских городов переживает серьезный упадок, засвидетельствованный археологическими и нумизма-

перед казной“, а это оставляет возможность для более широкого и свободного понимания текста.

⁷³ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв., стр. 78.

⁷⁴ Libanius. Orat., XXV, I. См. русский перевод: С. Шестаков. Речи Ливания, т. I. Казань, 1916, стр. 399.

⁷⁵ Г. А. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, вып. 2, 1958, стр. 92 сл. При этом, по-видимому, тенденция к уменьшению роли рабского труда уже давала себя знать в IV—VI вв. (см. W. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 133 f.).

⁷⁶ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 129.

⁷⁷ W. Westermann. The Slave Systems..., p. 87.

⁷⁸ F. Heichelheim. An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV Baltimore, 1938, p. 165.